

Здравствуй!

У тебя в руках книга про цыганскую девочку Катици. Ее написала моя мама, Катарина Тайкон. Она рассказала в этой книге про себя и свое детство.

Мой дедушка, мамин отец, – цыган, бабушка – шведка. Мама родилась в Швеции в 1932 году. В то время цыганам в Швеции жилось очень тяжело. Их преследовали, не разрешали жить в квартире или в доме, запрещали посещать школу. Им постоянно приходилось быть настороже: в любую минуту их могли согнать с обжитого места, оскорбить или обидеть.

Мама написала о Катици несколько книг. Все, о чем в них рассказано, действительно произошло в жизни мамы и нашей семьи.

В начале повествования Катици семь лет, но постепенно девочка взрослеет, и в конце мы встречаемся с ней уже семнадцатилетней.

Когда Катарина Тайкон выросла и родила собственных детей, она стала бороться за права цыган, за то, чтобы к цыганам относились так же, как к другим жителям Швеции. Это была долгая и трудная борьба, потому что бороться

приходилось прежде всего с предрассудками. И тогда Катарина решила: она напишет книги обо всем, что ей довелось пережить, и расскажет об этом детям, чтобы они росли справедливыми и свободными от предрассудков и чтобы в будущем не было места преследованиям одних людей другими.

Прочитав книгу, ты узнаешь кое-что новое об истории Швеции. Обязательно подумай над прочитанным и реши для себя: что из этого ты принимаешь, а что нет и каким ты видишь свое будущее. От того, какие выводы ты сделаешь, зависит и твоя судьба, и будущее окружающих тебя людей.

Хорошего тебе чтения!

Ангелика

Катици

– Катици! Катици-и!

– Где эта девчонка? Вечно она куда-то пропадает!

Фрекен Ларсон очень сердилась. Она двадцать пять лет работала директором детского дома, но никогда прежде не видела таких непослушных детей, как Катици.

Стрелки часов приближались к семи, детей давным-давно накормили ужином и велели отправляться ко сну.

Свет в комнатах был погашен, воспитанникам полагалось спать. Но спать никто и не думал. Во всяком случае, в пятой спальне. Здесь только и говорили, что о Катици. Директриса была очень раздражена. Ох, и достанется девочке, когда она вернется!

Фрекен Ларсон строго следила за дисциплиной и наказывала детей за любой проступок. Сегодня вечером она была вне себя и чуть не визжала от ярости. Такой звук издает поезд, когда резко тормозит на большой скорости:

— Катици! КАТИ-И-И-ИЦИ!

Фрекен Ларсон кричала и топала ногами. Не заметив на полу лужу, она топнула по воде, забрызгала ноги и завопила еще пронзительнее.

— А-а-а! Эта мерзкая девчонка у меня получит! Пусть только попадется мне!

В действительности фрекен Ларсон сердилась не из-за того, что намочила чулки и запачкала ноги. И не из-за того, что Катици до сих пор не легла спать. Уложить вечером детей вообще непросто, и Катици всегда доставляла воспитателям много хлопот. Дело было в том, что в соседнюю деревню приехал знаменитый пастор Петерсон, фотографию которого даже печатали в газетах.

Фрекен Ларсон так хотела увидеть его! Послушать его проповедь! Она мечтала об этом целый год, с того самого дня, как узнала о пасторе от других прихожан.

Но проповедь начнется в половине восьмого, а Катици до сих пор нет. Фрекен Ларсон очень сердита и расстроена. Она продолжает кричать и искать непослушную девочку.

— Катици! КАТИЦИ!

В пятой спальне свет погашен. Кровать Катици стоит пустой. На остальных кроватях лежат дети. Но они не спят, а ссорятся между собой. Больше всех кипит Гуллан: видите ли, Рут говорит, что Катици надо выпороть, когда она вернется!

Гуллан и ее брат Пелле очень дружат с Катици и всегда стараются ей помочь. Но сейчас Пелле не может поддержать сестру — мальчики спят в другой комнате. В детском доме такие правила.

— Вредная ты, Рутка! Ты просто завидуешь Катици, вот и все!

— С чего бы мне ей завидовать?

— С чего?! А с того, что фрекен Квист любит Катици больше, чем тебя!

— Мне-то что? И вообще, я не понимаю, она что — какая-то особенная, эта Катици? И может делать, что хочет? А если каждый будет делать то, что хочет? Что тогда будет?

Последнюю фразу Рут придумала не сама. Так всегда говорила фрекен Ларсон, когда ругала кого-то в столовой за нарушение правил детского дома. — И вообще меня зовут не Рутка, а Рут! Ясно тебе?

Другие девочки были согласны с Гуллан, но боялись высказывать свое мнение. Рут не забывала обиды, а еще она могла наябедничать фрекен Ларсон.

— Катици идет! — вдруг крикнула девочка, кровать которой стояла возле окна.

— Надо ей крикнуть. Пусть идет осторожнее, не попадется на глаза фрекен Ларсон, — сказала Гуллан.

— Нет! Не предупреждай ее! Я фрекен Ларсон скажу! — завопила Рут и швырнула подушку в Гуллан, которая стала открывать окно.

Не попав в девочку, подушка вылетела в открытую створку на улицу.

Директриса тоже увидела Катици и огромными шагами направилась к ней, угрожающе рыча:

— Сейчас ты у меня получишь! Сейчас...

Фрекен Ларсон поперхнулась на полуслове и наступила прямо в лужу. Катици вернулась не одна. Рядом с ней шел мужчина. Это был...

Пастор Петерсон. Собственной персоной.

Фрекен Ларсон открыла рот, да так и замерла, забыв его закрыть.

Пастор и Катици подошли к директрисе, пастор улыбнулся и протянул ей руку.

— А вы, наверное, фрекен Ларсон. Катици мне много о вас рассказывала.

В эту самую минуту подушка, брошенная Рут из окна, угодила в директрису. Удар был такой сильный, что фрекен Ларсон потеряла равновесие и упала на пастора с криком: «О, пастор Петерсон!».

От неожиданности пастор не смог устоять на ногах и тоже упал. Размахивая руками и ногами, они с директрисой барахтались в луже.

Катици расхохоталась. Всегда строгая и чинная фрекен Ларсон ползала в луже, пытаясь сохранять остатки достоинства.

Катици согнулась от смеха в три погибели. По двору к месту происшествия уже бежала добрая фрекен Квист. Она услышала шум и решила узнать, в чем дело.

Вид у нее был испуганный. Но вскоре она тоже начала смеяться. И воспитанники, высунувшиеся из окон, тоже хохотали что было мочи, совсем забыв, что послушные дети в семь часов вечера давно должны лежать в кровати.

Не смеялась только Рут.

Рут злится

– Пелле! Быстро ешь кашу. Мы собираемся купаться! – крикнула Гуллан.

– Ненавижу кашу! Хуже только пенки на молоке! Не хочу кашу. Я ее буду есть три часа, – заныл Пелле.

– Не ной! Доедай быстро и пойдем! – сказала Катици. – Хочешь я тебе помогу? – Катици зачерпнула пару ложек каши из тарелки Пелле. Но тут в столовую вошла фрекен Ларсон, которая сразу поняла, в чем дело.

– Это что за новости?! Почему ты ешь кашу Пелле? Безобразие! Сию минуту иди в спальню и сиди там до вечера!

– Простите, фрекен Ларсон! – воскликнул Пелле. – Катици не виновата. Она хотела мне помочь. Я не могу доесть кашу.

В разговор вмешалась Гуллан.

– Фрекен Квист обещала нам пойти купаться. Это так здорово!

– Я знаю, что вы всегда защищаете Катици. Так и быть, идите купаться, но ведите себя примерно. Иначе сразу

отправлю вас в спальню, и будете сидеть там до ужина, – грозно предупредила фрекен Ларсон.

– Катици, не забудь купальник! – крикнул Пелле. – А ты, Гуллан, возьми коробку для мидий.

День был такой жаркий, что молоко моментально скисало, а кошка пряталась под лестницу, в тенек.

Все дети и фрекен Квист уже ушли на пляж, который находился примерно в двух километрах от детского дома. Рут тоже была там и ужасно злилась. Ну почему Катици не наказали за то, что она съела кашу Пелле! И теперь Рут пыталась придумать, чем бы досадить Катици.

Пелле и Гуллан переодевались в купальник и плавки, а Катици стояла и смотрела по сторонам.

– Ты что купальник не надеваешь? – спросила Гуллан.

– Тебе не жарко? – удивился Пелле.

– Я не буду купаться, – сказала Катици. – Мне холодно.

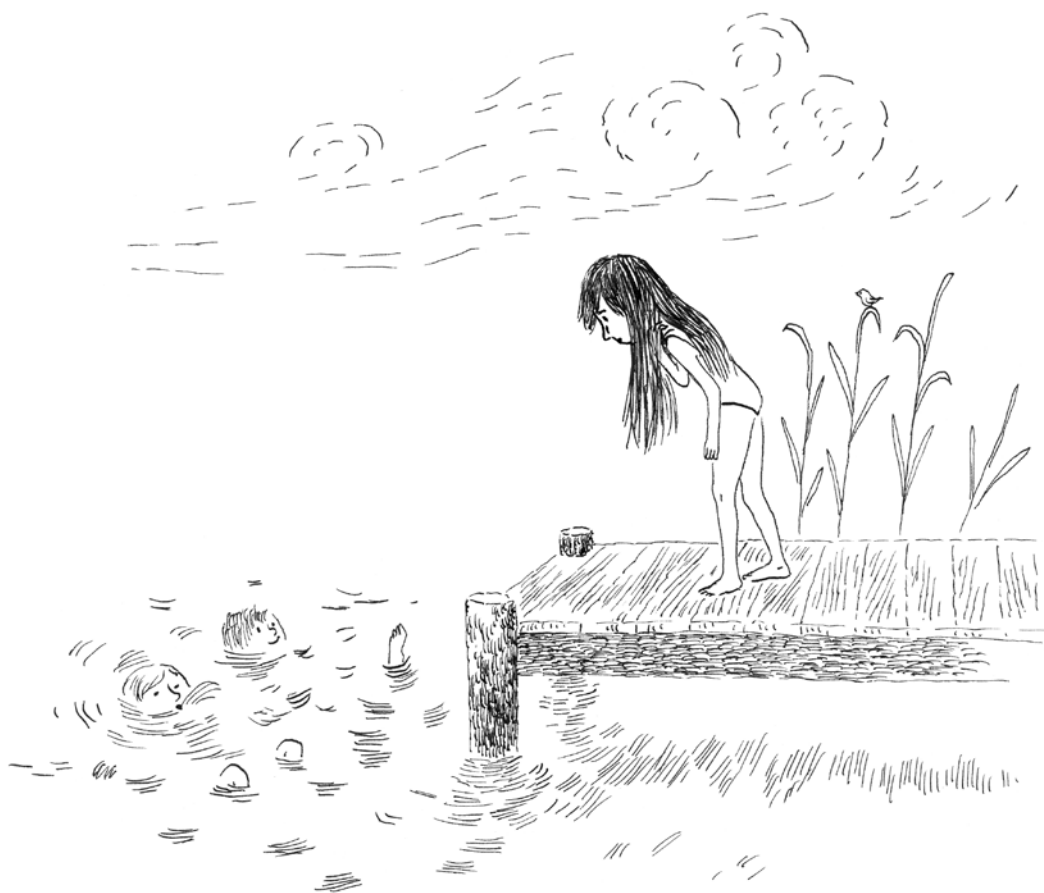
– Холодно?! Жарища такая! Я бы сейчас из воды вообще не вылезала, – удивилась Гуллан.

– Холодно ей, видите ли! – передразнил Пелле. – Сейчас умру от смеха. – Лицо у Пелле было красным, как помидор.

– Ты чего так покраснел? – спросила Катици.

– Я не краснел, – возразил Пелле. – Мне просто жарко.

– Все, Катици, мы тебя больше не ждем, – сказала Гуллан. – Пошли купаться, Пелле!

Гуллан и Пелле бросились наперегонки к берегу и выбежали на мостки.

— Первый пошел! — крикнул Пелле и рыбкой нырнул в воду. Гуллан прыгнула солдатиком. Пелле плавал гораздо лучше нее.

Катици подошла к мосткам. Она села и стала смотреть, как плещутся и фыркают в воде Гуллан и Пелле.

Потом она перевела взгляд на других детей, которые тоже плавали и веселились недалеко от берега.

— Иди к нам! — позвал Пелле. — Здесь так здорово!

Катици долго смотрела на Пелле, на Гуллан. Потом тихо сказала:

— Вылезьте из воды, пожалуйста. Я вам кое-что скажу.

Пелле и Гуллан вскарабкались на мостки. Они никак не могли взять в толк, почему Катици не купается.

— Понимаете, — начала Катици. Было видно, что слова даются ей с трудом. — Я... Я не... не умею плавать. Я никогда...

— Ха-ха-ха! — громко расхохоталась Рут. — Вы слышали? Она не умеет плавать! Дохлятина! Катици не умеет плавать! Вот тебе, получай! — Рут сильно толкнула Катици. Та взмахнула руками, попыталась устоять на мостках, но не удержалась и плюхнулась в воду. Она била ладонями по воде, стараясь выбраться на поверхность, но какая-то невидимая сила, казалось, тянула ее ко дну. Голова девочки ушла под воду, на поверхности остались только пузырьки и взбаламученная пена. Но через мгновение Катици вынырнула снова, она лупила по воде руками, в панике озиралась по сторонам. Кашляла. Глаза ее были широко раскрыты от ужаса, сквозь кашель пробивались слова:

— Помогите! Помоги-ите! Тону! Я сейчас уто...

Девочка снова ушла под воду.

– Что здесь происходит? Что вы делаете? – на мостках показалась фрекен Квист.

– Рут столкнула Катици в воду! – крикнул кто-то.

– А она не умеет плавать! – добавил кто-то другой.

Снова раздался плеск. Это Пелле прыгнул в воду. Секунда, пока его не было видно, показалась всем вечностью. Но вот он появился снова, держа за руку Катици, которая барахталась и отбивалась, пытаясь вырваться. Девочка была вне себя от ужаса. Пелле греб изо всех сил, но с места почти не двигался. Остальные дети стояли на берегу неподвижно, замерев от страха.

– Я просто хотела ее поугаждать, чтобы не задавалась, – пробормотала Рут. Было видно, что она тоже страшно испугалась.

Тут снова раздался плеск. Это была фрекен Квист. Скоро ее голова уже виднелась рядом с головами Пелле и Катици. Быстрым движением фрекен Квист схватила Катици за длинные черные волосы и поплыла уверенными сильными гребками туда, где на берегу стояли ребята.

– Рут, как ты могла?! Она ведь не умеет плавать! А ты ее в воду толкаешь!

Катици не двигалась. Фрекен Ларсон опустилась на землю, положила Катици животом себе на согнутое

колени и стала надавливать ей на спину, чтобы вышла вода.

– Сбегайте за фрекен Ларсон, – приказала она.

Но тут девочка пришла в себя. Она сильно закашлялась, обвела глазами столпившихся ребят, посмотрела на фрекен Квист. И снова обмякла.

– А ее в больницу заберут? – спросил кто-то из детей.

– Нет, не думаю, – ответила фрекен Квист. – Но сейчас нам лучше вернуться домой и положить Катици в кровать.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила фрекен Квист Катици.

Девочка открыла глаза.

– Лучше. Но я никогда не буду плавать. Вода – это ужасно.

– Нет, – возразила фрекен Квист. – Вода – это здорово. Но нужно уметь плавать.

– Все из-за тебя, Рутка, – сказала Бритта. – Катици чуть не умерла! Мы все расскажем фрекен Ларсон!

Фрекен Квист посмотрела на детей.

– Давайте на минутку присядем и поговорим о том, что случилось.

Ребята сели в кружок, и фрекен Квист продолжила:

– И ты, Рут, и вы все запомните: никого нельзя толкать в воду, даже если человек хорошо плавает. Кстати, кто из вас умеет плавать? Поднимите руку.

Подняли руку все, кроме двоих. Эти двое были Катици. И Рут.

— Значит, вам надо учиться плавать. Начнем прямо сейчас. Ложитесь на живот, прямо здесь на берегу. И начинайте двигать руками и ногами. Вытягивайте руки и подбирайте под себя ноги. Так! Теперь наоборот: сгибайте руки к груди, а ноги вытягивайте. Повторяйте несколько раз подряд.

— Катици на лягушку похожа, — хихикнула Рут.

— Сама ты лягушка, — ответила Катици. Она уже чувствовала себя гораздо лучше.

— Девочки, не ссорьтесь! — сказала фрекен Квист. — Ничего плохого нет, если мы в воде будем двигаться, как лягушки. Что-что, а плавать лягушки умеют хорошо.

— А когда мы сможем плавать? — спросила Рут.

— Я в воду больше не полезу, — отрезала Катици. — Я лучше буду на берегу плавать.

— Конечно, полезешь! Иначе какой смысл учиться плавать? На берегу умение плавать не пригодится. Но прежде чем заходить глубоко, мы потренируемся на мели.

Фрекен Квист стала придумывать девочкам разные задания. И концу дня они, хоть и устали, уже смогли проплыть целых десять метров.

— Как здорово! — радовалась Катици. — Теперь мы тоже немножко умеем плавать.

Но Пелле и Гуллан все еще сердились на Рут.

— Как думаешь, фрекен Ларсон накажет Рут за то, что она толкнула Катици? — спросила брата Гуллан.

— Ябедничать мы не будем, — сказала Катици.

И, несмотря на все приключения, день закончился хорошо.

У Катици гости

Однажды во двор детского дома въехал угловатый красный автомобиль. За рулем сидел крупный мужчина. Это был папа Катици, он приехал за ней.

Но Катици, как всегда, куда-то пропала. Она спряталась, и никто не знал, где ее искать. Ее звали, кричали, но безрезультатно. Больше всех, конечно, старалась фрекен Ларсон.

— Дети! Ищем Катици! Быстро! Она мне нужна срочно. За ней приехал папа.

Пелле и Гуллан внимательно посмотрели на фрекен Ларсон.

— А может, Катици не хочет домой?

— Что за глупости! Конечно, хочет. Найдите ее и приведите сюда. Вы наверняка знаете, где она прячется. Пелле, не забудь на всякий случай проверить, нет ли ее на берегу.

— Пелле, мы ведь не скажем фрекен Ларсон, где Катици, даже если ее найдем? — спросила Гуллан.

— Нет, но можем сделать вид, будто мы ее ищем. А если найдем, то предупредим, чтобы она не выходила.

— Катици! КАТИ-И-ИЦИ! — хором заорали Гуллан и Пелле. — Выходи, мы тебе поможем. Не бойся! Это мы, Гуллан и Пелле!

Друзья нашли Катици на берегу под перевернутой лодкой. Услышав их голоса, она выбралась, размазывая слезы по чумазым щекам.

— Я не хочу, не хочу, — всхлипывала девочка.

— Чего ты не хочешь? Скажи! Ты чего боишься? Перестань плакать. Мы тебе поможем, — успокаивали ее Пелле и Гуллан.

— Не хочу домой, понимаете?

Пелле и Гуллан удивленно переглянулись.

— Мы, наоборот, все время думаем: кто бы нас отсюда забрал. Почему ты не хочешь уехать? — сказала Гуллан.

— Да еще на такой крутой машине! — добавил Пелле. — Я никогда на такой не ездил. Вот бы покататься!

— Не хочу от вас уезжать. И папу этого я не знаю. У него вид такой злой... И борода длинная и черная... Гуллан, Пелле! Помогите мне. Я хочу спрятаться, чтобы меня никто не нашел!

Пелле немного подумал.

— Я знаю. Дом и двор уже обыскали, больше там искать не будут. Если ты проберешься через заднюю калитку

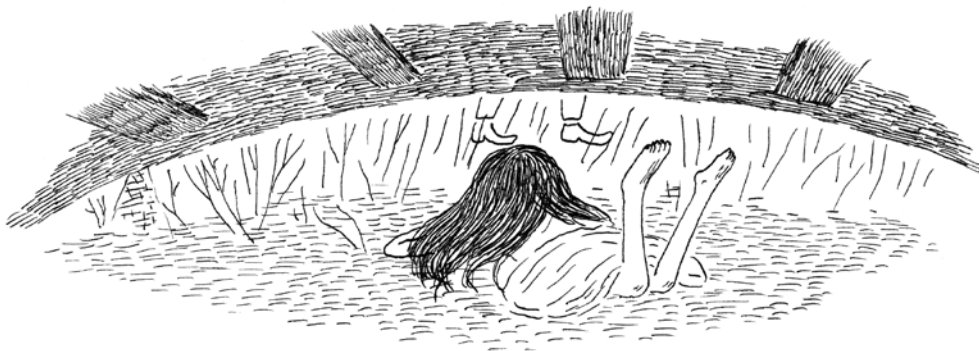
и спрячешься в комнате фрекен Ларсон, тебя никто не найдет.

Гуллан и Пелле побежали вперед, чтобы проверить, нет ли кого возле дома. Но они зря волновались, все уже давно отправились в лес и теперь искали Катици там, перекрикиваясь друг с другом.

Катици помчалась к дому изо всех сил. Вот черный ход, лестница. Катици тихо как мышка начала подниматься по ступенькам. Она уже была на середине лестницы, когда дверь комнаты фрекен Квист отворилась.

— Катици?!

Фрекен Квист вышла из комнаты.

— Где ты была? Все тебя ищут. Твой папа беспокоится.

Катици остановилась посреди лестницы. Вид у нее был упрямый и мрачный.

— Я спряталась. Не хочу ехать с папой. Все равно я убегу, и вы меня не найдете.

— Девочка моя, мы же волнуемся. И что у тебя за вид! Надо умыться. Ты такая чумазая. И растрепанная!

— Фрекен Квист, миленькая, хорошая! Пожалуйста, спрячьте меня! Я вас всегда буду слушаться, только не отдавайте меня ему, пожалуйста!

— Ну что ж ты так нервничаешь... Прямо вся трясешься. Послушай, этот человек — твой отец. Он приехал специально, чтобы с тобой увидеться. Твой папа наверняка хороший и добрый. Он скучает по тебе, вот и приехал.

— Вы видели, там в машине? Еще люди! И так чудно одеты! Я такой одежды вообще никогда не видела!

— Думаю, это твои братья и сестры. Никакие они не странные. Просто их юбки немного длиннее, чем у тебя и у меня. Зато цвет у них такой красивый! Яркий!

— Ну и ладно. Все равно я с ними не хочу ехать.

— Иди в мою комнату. А я попробую поговорить с твоим папой и фрекен Ларсон. Посмотрим, что можно сделать.

Фрекен Квист была добрым человеком. Она сразу поняла, что Катици не помнит свою семью и боится уезжать из детского дома.

«Надо договориться, чтобы девочка еще немного пожила у нас», — думала фрекен Квист, спускаясь по лестнице. Выйдя во двор, она позвала отца Катици и фрекен Ларсон в учительскую.

Фрекен Ларсон поджала губы: она была очень недовольна происходящим. Что еще придумала фрекен Квист? Детскому дому совсем не нужны неприятности.

Папа Катици выглядел расстроенным.

— Куда она могла подеваться? Мы не можем ждать целый день. Скоро надо ехать. Нас дома заждались.

Закрыв за вошедшими дверь учительской, фрекен Квист заговорила:

— Давайте разрешим Катици остаться в детском доме еще на некоторое время. Она так просит! Новость была для нее слишком неожиданной.

Но фрекен Ларсон ничего не хотела слушать:

— Что вы о себе возомнили, фрекен Квист? Слишком много на себя берете! Отец Катици хочет забрать ее домой. На каком основании вы пытаетесь ему помешать?!

Фрекен Квист предприняла еще одну попытку убедить директрису.

— Катици не помнит отца. Они долго не виделись. Возможно, будет лучше, если мы подготовим ее к возвращению домой. Расскажем ей про ее семью.

Отец Катици вздохнул с облегчением. Его лицо просветлело.

— Наверно, вы правы. Она давно с нами не виделась. Успела, видно, забыть. Давайте сделаем, как вы

предлагаете. Я вернусь за ней через две недели. Как вы думаете, фрекен Квист, она уже не будет нас бояться?

Фрекен Квист улыбнулась. Папа Катици был ей симпатичен, и она порадовалась за девочку.

— Я расскажу Катици, какой у нее добрый папа. И надеюсь, что в следующий раз она охотно последует за вами.

Так и договорились. Семья Катици уехала. Но фрекен Ларсон была сердита.

— Нет, Герда, это никуда не годится. Вы постоянно вмешиваетесь не в свое дело. В этот раз вы зашли слишком далеко.

— Почему? — спросила фрекен Квист, которую фрекен Ларсон назвала Гердой.

Фрекен Ларсон продолжила:

— Я так обрадовалась, что она от нас уедет... Она доставляет нам столько хлопот.

Фрекен Квист покачала головой.

— У вас, может, и были с ней хлопоты. А мне она хлопот нисколько не доставляла.

— Она такой непослушный ребенок! Никогда не ложится вовремя спать. Опаздывает к завтраку! А как она выглядит! Чумазая, лохматая! Да еще вечно придумывает какие-то проказы.

— Не преувеличивайте, Эмма! Вы слишком много внимания уделяете поддержанию порядка. Это в жизни не самое главное.

– И ладно бы только она! Но другие дети берут с нее пример. Им нравится ей подражать. Они видят, что Катици меня не слушается, и смеются надо мной.

– Но, Эмма, согласитесь, что после появления Катици дети стали веселее.

Тут на лестнице раздался грохот – это из комнаты фрекен Квист выскочила Катици. Она услышала, что машина уехала.

– Спасибо, спасибо, фрекен Квист! Значит, я могу остаться?!

– Да, фрекен Ларсон и твой отец договорились, что ты еще немного побудешь у нас, – сказала фрекен Квист.

«Ложь! – подумала фрекен Ларсон. – Никто ни о чем не договаривался. Фрекен Квист сама все решила и сделала по-своему».

Но вслух она сказала:

– Да, Катици, я разрешила тебе остаться, но ты должна обещать, что будешь себя хорошо вести.

– Конечно! – завопила Катици и бросилась обнимать фрекен Ларсон, которая от неожиданности уронила очки. Они упали на пол и разбились.

«Несносная девчонка!» – подумала фрекен Ларсон.

Ночной цирк

– Спокойной ночи, дети! Хороших вам снов! – сказала фрекен Квист и погасила свет.

– Катици! Эй! Катици! – зашипела Гуллан. – Ты спишь?

– Тише вы там! – послышался из темноты голос Рут. – Всем сказали молчать и спать. Вы что – не слышали? – Раз сказали, значит, молчи. И спи, – фыркнула Гуллан.

Катици спрыгнула со своей кровати и перебралась в кровать к Гуллан. Они какое-то время молчали. Потом Гуллан неуверенно спросила:

– Катици... А ты откуда родом?

Катици ответила быстро, не раздумывая.

– Если ты имеешь в виду маму с папой, то не знаю.

– Не знаешь, кто твои мама с папой?

– Не знаю. А ты? Ты знаешь, кто твои мама с папой? – голос Катици звучал почти весело.

— Нет, не знаю. Нас с Пелле сюда принесли совсем маленькими. А спрашивать у фрекен Ларсон мы не хотим, — сказала Гуллан.

— Я помню только, что меня сюда отдали цирковые, — продолжала Катици.

— Цирковые? — переспросила Гуллан. — А кто это?

— Люди, конечно, — хмыкнула Катици. — Из цирка. Ты что, никогда не была в цирке?

— Мне кажется, нет... Цирк? Я даже не знаю, что это. Никогда про такое не слышала.

Катици очень удивилась, но продолжала говорить шепотом, не повышая голоса.

— Цирк — это большой дом, там много животных. Ты когда-нибудь видела слона, Гуллан?

— Нет... Ну, то есть видела, на картинке. В Швеции ведь нет слонов? Живых, настоящих?

— Есть! И на них даже можно кататься! Они серые, огромные, могут человека поднять на воздух.

— А зачем людей поднимать? Это ведь опасно! Они могут им сделать больно?

Катици и Гуллан не сразу заметили, что их разговор привлек других детей. Они на цыпочках подошли к кровати и теперь слушали рассказ Катици, широко раскрыв глаза и боясь проронить хоть слово.

— Нет, слоны никого не обижают. Они добрые. Они поднимают людей очень-очень аккуратно. И умеют делать

всякие разные штуки. Кроме слонов в цирке есть куча других зверей. Обезьяны, жирафы, морские львы, зебры, лошади — всех и не упомнишь. Уйма целая! Вы даже не представляете!

— Может, хватит чепуху молоть? — вступила в разговор Рут. — Фрекен Ларсон велела нам спать. Я лично не верю, что Катици это видела. Просто, как всегда, воображает и хвастается.

Рут вернулась к себе в кровать. Остальные девочки проводили ее взглядом. Бритта сказала:

— Не обращай внимания. Мы тебе верим. Катици, пожалуйста, расскажи еще что-нибудь! Про цирк!

— Ну что вам рассказать? В цирке животные умеют делать разные штуки. Морские львы могут носом подбивать мячик. А тигры...

— Тигры, — перебила ее Рут, — живут в Африке. Что им делать в твоей цирковой палатке? Представьте, если они кого-нибудь съедят. Они же хищники.

— Ну да, поэтому тигры живут в клетке. А один дяденька зашел к ним в клетку, взмахнул кнутом, и тигры его сразу послушались.

— Он их бил кнутом?

— Нет, никогда! Цирковые все добрые. Они животных не обижают. Дяденька кнутом в воздухе махал, а тигры его слушались. Бегали по кругу, потом забирались на тумбочки и садились на них.

– А ты не боялась? – спросила Гуллан. – Не боялась, что тигры выйдут из клетки и тебя покусают?

Катици обвела девочек взглядом, потом сказала:

– Нет, не боялась. А чего мне бояться? Я же знала дяденьку, который за ними ухаживал. Он был другом моего циркового папы.

Катици сказала это и задумалась. А ведь на самом деле она боялась. Очень боялась тигров. Но если сказать об этом девочкам, они подумают, что она трусиха.

Гуллан спросила:

– Ты много раз была в цирке?

– Ты платила, чтобы смотреть на зверей? – добавила Бритта.

– Нет. Мы были знакомы с хозяевами цирка. Я даже дружила с клоуном.

– Кто такой клоун? – спросила одна из девочек.

– Клоун – это человек, который одевается в странную одежду и раскрашивает себе лицо белой краской, – ответила Катици.

– Зачем? – спросила Гуллан. – Потому что ему так нравится?

– Чтобы дети смеялись. А еще клоун умеет играть на разных инструментах. На трубе, на скрипке. На чем угодно. И у него есть обезьяна. С ней можно поздороваться за руку.

Катици задумалась, немного помолчала. Потом продолжила:

– Ну, в общем, клоун много чего умеет делать. И я надеюсь, что цирк когда-нибудь сюда приедет и вы увидите все своими глазами.

– Разве цирк может к нам приехать? – воскликнула Гуллан.

– А почему нет? – удивилась Катици. – Цирковые артисты колесят по всей стране, могут и сюда приехать.

– А ты думаешь, фрекен Ларсон разрешит нам пойти в цирк? – голос Гуллан звучал неуверенно.

– Может, и разрешит, – протянула Катици. – Но только если за это не нужно будет платить. Что зря гадать. Они же еще не приехали, и когда приедут – неизвестно...

Но тут Катици снова оживилась.

– Ой! Забыла рассказать вам про принцессу на канате!

Глаза Гуллан расширились:

– Что?! Там и принцесса есть?!

– Да! И она ходит по веревке.

Но слушатели Катици не понимали, как можно ходить по веревке.

– По веревке? – спросила Бритта. – По такой, как у нас фрекен Квист вещи после стирки вешает?

– Почти, – ответила Катици. – Только эта веревка гораздо толще, она называется канат. Его натягивают

высоко-высоко в воздухе от одного края шатра до другого. И принцесса идет по нему.

— И не падает? — спросила Гуллан.

— При мне не падала, — сказала Катици. — Но клоун, его зовут Як, рассказывал мне, что однажды принцесса упала.

— И умерла? — спросила Гуллан. — Там ведь высоко...

— Да, там высоко. Но она не умерла и даже нисколечко не ушиблась, потому что под канатом была натянута сетка.

— Расскажи еще что-нибудь про цирк! Ну пожалуйста, Катици, расскажи! — стали просить девочки.

Тут в коридоре послышались легкие шаги. Как будто кто-то хотел незаметно подкрасться к двери. Девочки сразу поняли, в чем дело, быстро юркнули в свои кровати. И притворились, что спят.

Через мгновение дверь приоткрылась, на пороге стояла фрекен Ларсон.

— Почему вы до сих пор не спите? — грозно спросила она.

— Это Катици, — наябедничала Рут. — Она все время болтает.

Фрекен Ларсон подошла к кровати Катици. Но Катици лежала с закрытыми глазами и притворялась спящей.

— Кто здесь болтает? — строго произнесла фрекен Ларсон. — Это ты, Катици?

Катици открыла глаза и заморгала, делая вид, будто никак не может проснуться.

— Что? Я? Нет... Ох, как хочется спать... — И Катици перевернулась на другой бок.

— Я слышала в комнате шум. Рут говорит, что болтала Катици. Это так? — обратилась фрекен Ларсон к девочкам.

Но девочки хором ответили:

— НЕТ!

А одна добавила:

— Может, это Рут во сне разговаривала?

— Неправда! Я никогда не разговариваю во сне! — возмутилась Рут.

— Откуда ты знаешь? — ехидно заметила Гуллан. — Ты же в это время спишь.

— Я знаю, что это не я, а Катици. Я слышала все, о чем она говорила.

Фрекен Ларсон подошла к кровати Рут.

— И о чем же?

— Про тигров и принцесс. И еще про то, что сюда придет цирк и мы пойдем бесплатно смотреть на дяденьку, которого зовут Клоун.

Фрекен Ларсон застыла. В комнате воцарилась звенящая тишина. Потом директриса сухо произнесла:

— Я больше не хочу слушать ваши глупости. Всем спать. Я ухожу, но, если услышу еще хоть одно слово, завтра вы ляжете спать на час раньше.

Сердито поджав губы, фрекен Ларсон вышла из спальни и закрыла за собой дверь.

– Ябеда! Ябеда-корябеда! Ябеда-ябеда! – зашептали девочки, обращаясь к Рут.

– Охота тебе все время жаловаться! – сказала Гуллан.

– Фрекен Ларсон велела всем спать, – огрызнулась Рут.

– Спокойной ночи, – зевнула Катици. – Про цирк поговорим в другой раз. Когда нам никто не будет мешать и никто не будет ябедничать.

Последние слова были обращены к Рут. Это поняли все, в том числе Рут.

Разговоры и сплетни?

Однажды вечером, когда все дела были закончены, дети поужинали, умылись и почистили зубы, фрекен Квист пришла и села на край кровати Катици.

– Катици, надень, пожалуйста, халат и зайди ко мне. Нам нужно поговорить.

– О чем? – поинтересовалась Катици.

– Сейчас узнаешь. Но ты, может быть, устала и хочешь спать?

– Нет, нет! Обожаю вечером поболтать! Но что скажет фрекен Ларсон? Она так злится, если мы ложимся не вовремя.

– Не беспокойся. Фрекен Ларсон разрешила тебе сегодня лечь попозже.

– Сейчас приду! – воскликнула Катици и выпрыгнула из кровати. Остальные девочки еще не спали, хоть и лежали в своих кроватях. Они смотрели на Катици и гадали: что ей хочет сказать фрекен Квист?

– Ты как думаешь, Гуллан? – спросила Бритта, когда дверь за Катици захлопнулась.